

Елена Ивановна Михалкова

Тайна замка Вержи

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6666037
Тайна замка Вержи/ Елена Михалкова: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083255-2

Аннотация

Мир Птички-Николь населен ведьмами и привидениями, цвергами и феями. Но реальная жизнь оказывается страшнее самой жуткой сказки. Во все времена преступления совершают не призраки, а люди. И раскрыть преступление может только человек, который твердо верит в разум и не позволяет фантазиям сбить его с толку.

Окунитесь в прошлое, войдите в стены старинного замка и следуйте за лекарем Венсаном Бонне по лабиринту, полному загадок и тайн!

Кто убивает в замке Вержи? Кого коснется проклятие колдуньи? И кто сорвет завесу тайн, душным покрывалом укутывающих стены замка?

Читайте в средневековом детективе Елены Михалковой «Тайна замка Вержи».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елена Михалкова

Тайна замка Вержи

© Михалкова Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

– Говори что хочешь, Матье, но когда ты попадешься ей, болтовня тебя не спасет. Знаешь, что она с тобой сделает?

Бернадетта обвела притихшую дворню угрожающим взглядом. В переполненной кухне воцарилось такое безмолвие, что стало слышно, как лезет из чана разбухшее тесто.

Старуха перехватила поудобнее нож, высунула язык – и вдруг с размаху чиркнула по кончику.

Все ахнули. Новая судомойка, пышнотелая девица с голубыми глазами навывкате, завизжала от ужаса. Даже Николь, видевшая эту проделку не первый раз, не удержалась от вскрика.

Лезвие рассекло воздух в полудюйме от кожи, а Бернадетта откинула голову и разразилась громогласным хохотом.

Отсмеявшись, она с размаху воткнула нож в щель между досок. Матье попятился, не сводя глаз с покачивающегося лезвия.

– Что, наложил в штаны? – прокаркала старуха. – Паршивый могильный крот!

– Я не...

– Молчать! Или забыл?

Подняв к закопченному потолку палец, Бернадетта торжественно провозгласила:

– Всякий, кто осмелится прийти на кладбище Левен, будет считаться осквернителем!

Юноша умоляюще посмотрел на Николь. Та едва заметно покачала головой: и не проси, ни за что не стану перечить рассерженной старухе. Во всей округе нет никого, равного Бернадетте в умении сквернословить. От ее ругани линяют куры, скисает молоко и дохнут мыши!

Что касается мышей, то и пусть себе дохнут. Но в руках у Николь был кувшин с горячим молоком.

Оцепенелое молчание нарушил голос судомойки:

– Кому он попадется, Бернадетта?

Старуха обернулась так резко, что сидевшие поблизости отпрянули.

– Что?

– Ты сказала, что Матье попадется кому-то, – пояснила девица, глупо улыбаясь. – Это какая-то сказка, да?

Единственный глаз Бернадетты яростно сверкнул.

– Безмозглая гусыня, тухлые харчи тебе в глотку! – загремела старуха. – Чтоб твой поганый язык копытом отдавило! Хочешь навлечь беду на всех нас?!

Николь метнулась к двери, каждый миг ожидая окрика. К счастью, взгляд старой карги был прикован к остолбеневшей от ужаса судомойке.

Девочка просочилась в щель и со всех ног бросилась прочь. Она промчалась по коридору, юркнула на лестницу, взлетела вверх, крепко прижимая к груди кувшин, свернула в галерею и лишь тогда замедлила шаг.

Никто не должен видеть ее носящейся по замку. Особенно теперь, когда все ждут важного гостя. Хороший слуга ходит чинно, говорит тихо, держится незаметно – так наставляла их Бернадетта каждое утро.

Сюда свирепые вопли старухи уже не доносились, лишь потрескивало масло в светильниках да вдалеке глухо лаяли собаки.

Николь перевела дух. Хвала Деве Марии, ей удалось улизнуть. Если бы одноглазая что-то заподозрила...

Из прохода справа потянуло стылостью. На стенах галереи чадили масляные плошки, отбрасывая дрожащие тени, но в узком коридоре плавала густая тьма.

Девочка поежилась. Быстрее бы миновать нехорошее место! Луна, пухлая, как щеки кухарки, уже повисла над главной башней замка. А если в начале лета под полной луной на тебя повеет холодом из-за угла, жди встречи с Симоном де Вержи. Говорят, если призрак протянет тебе свою отрубленную руку, будешь болеть и чахнуть, пока не помрешь.

Мари рассказывала, что прошлым летом видела его своими глазами. Но Симон пощадил ее и не стал предлагать свой жуткий дар.

Правда, Мари известная врушка и к тому же страшна, как нетопырь. Если бы призрак убитого графа и впрямь попался на ее пути, еще неизвестно, кто из них обмер бы от ужаса.

Убеждая себя, что мертвый хозяин не бродит по замку в эту ночь, Николь ускорила шаг. Внезапно до ее слуха донеслось заунывное бормотание.

Девочка похолодела. Молясь, чтобы ей почудилось, она застыла на месте. Но сквозняк явственно донес до нее негромкий тоскливый голос.

Симон де Вержи! Возвращается в башню, где нашли его бездыханное тело!

Не помня себя от страха, Николь заметалась по галерее.

В стене через каждые двадцать шагов чернели провалы заложённых окон. Когда-то они предназначались для стрелков, но потом окна заложили, а поверх стены возвели крытую дзорную дорожку. В стене галереи остались только глубокие ниши.

В одну из них и скользнула Николь.

«Пресвятая Дева, спаси меня!»

До ее слуха донеслись шаги. Девочка перестала дышать и зажмурилась.

– Только не Валери. Пусть будет Озорник, – послышался резкий голос.

– Ваша милость, простите, но Озорник с норовом... – возразил тягучий унылый бас.

От облегчения Николь едва не выронила кувшин. Дядюшка! Его карканье она приняла за голос призрака.

Но радость девочки длилась недолго. Ей хватило нескольких слов, чтобы узнать его собеседника, и она еще сильнее вжалась в стену.

Кое-кто из слуг признавался шепотом, что согласился бы скорее вызвать гнев покойного Симона, чем его брата, здравствующего и поныне. Граф Гуго де Вержи, полновластный владетель замка и окрестных земель, славился крутым нравом. Они со старшим конюхом приближались к тому месту, где пряталась за выступом стены Николь. Если заметят ее, непременно решат, что подслушивала.

– С норовом, говоришь... – усмехнулся граф. – Ничего, нашему гостю это придется по душе.

Чеканные шаги отдавались грохотом в ушах Николь. Казалось, хозяин и слуга идут прямо на нее. Девочка прижала к себе кувшин с такой силой, словно он мог сделать ее невидимой.

Мимо ниши прошли два человека. Николь приоткрыла глаза и уткнулась взглядом в темно-зеленый камзол Гуго де Вержи. Гастон в своей серой рубахе двигался за ним, как тень.

– Приготовь испанские седла, – отрывисто распорядился Гуго, – и Птичку на замену. Если маркиз загонит Озорника, ему должны сразу подать новую лошадь.

– Будет исполнено, ваша милость.

«Птичку? – удивилась Николь. – Но ведь Птичка...»

Граф остановился так резко, что старший конюх сбился с шага. Девочка оцепенела.

У его милости нюх, как у волка. Неужели почувствовал, что кто-то смотрит ему в спину из темноты?

Несколько томительных мгновений Гуго де Вержи стоял неподвижно, будто прислушиваясь. Затем снова двинулся вперед, не говоря ни слова, и покорный его воле слуга последовал за ним.

Когда две фигуры исчезли в глубине коридора, Николь вытерла пот с похолодевшего лба и поспешила покинуть свое ненадежное укрытие.

Но из головы у нее не выходили слова графа.

Подать Птичку на замену Озорнику... Что за странный приказ!

Спору нет, Птичка на редкость красива – тонкая, хрупкая, редкой золотистой масти. Под солнцем она светится, точно капля меда. Дядюшка говорит, что быстрее этой кобылки не сыщешь на всем белом свете. «Несется так, словно пичужка удирает от ястреба», – сказал Гастон, когда первый раз сел на нее, и с тех пор лошадь не звали иначе как Птичка.

Но до чего же строптивым характером наделил ее Создатель! Выезжать на Птичке могли только старший конюх и сам Гуго де Вержи, превосходный наездник. Жермен, младший конюх графа, однажды решил приручить норовистую кобылу. Хитрая Птичка сперва встала на дыбы, а затем взбрыкнула задом, и несчастный Жермен вылетел из седла. Не увернись он, быть бы его костям размолоченными мощными копытами лошади.

Злобное животное кусало всех с таким ожесточением, что давно уже не находилось желающих приблизиться к ее стойлу.

Единственным человеком, безбоязненно подходившим к Птичке, была Николь. Она расчесывала и заплетала каштановую гриву, кормила кобылу с руки, и ни разу та не обидела ее.

Конюхи шутили, что лошадь чует в девчонке свою. Ведь Птичкой когда-то прозвали и саму Николь.

Николь пела. Ее негромкий нежный голосок можно было услышать с раннего утра. Под песенки маленькой служанки замок просыпался, под них же и засыпал.

– Ветер согнет траву, разметает стога, – пропела Николь, подбегая к двери, – спутает волосы крошке Мари...

Дверь распахнулась, не успела она постучать.

– Где тебя носит? – злым шепотом воскликнула нянька.

Николь торопливо протянула кувшин с молоком.

– Вот! Немного остыло, пока я шла...

Коринна выхватила кувшин.

– Заходи, да побыстрее!

Глава 2

Из комнаты на Николь дохнуло теплом: по углам были расставлены железные чаны с горячими углями. Красные точки мерцали сквозь решетку. В камине догорал огонь, языки пламени юркими ящерицами шныряли по обугленным поленьям.

– Стой здесь! – приказала нянька. – Не вздумай удрать!

– Я и не думала, – пробормотала под нос Николь, изрядно погрешив против истины. Дай ей волю, она была бы уже далеко.

Забыв про Птичку и странное распоряжение Гуго де Вержи, девочка исподлобья наблюдала за нянькой.

Все считают Коринну милой и жалеют ее: овдовела рано, а детей бог не дал. Нянюшка пышна, как свежая булочка, и когда идет, перебирает своими толстенькими короткими ножками мелко-мелко, будто катится.

Другая такая вдовица давно бы вышла замуж. Только не Коринна.

Сама нянюшка отшучивается старой поговоркой: кто женится – поступает хорошо, а кто не женится – поступает еще лучше. Но Николь-то знает, что дело в другом: мужчины отчего-то не горят желанием заполучить аппетитную вдовушку. Если кто и отпустит шуточку в сторону Коринны, второй раз не повторит, хотя нянюшка никогда не осаживает наглецов.

Лицо у Коринны, если посмотреть на него вблизи, похоже на размокший булочный мякиш. Кажется, ткнешь в него – и палец провалится глубоко-глубоко. Нет, думает Николь, это вовсе не румяная булочка. Скорее уж кусок непеченного теста.

Неудивительно, что мужчины обходят ее стороной. Чутье вопит в них во весь голос: беги прочь, старина, удирай, иначе как-нибудь утром найдут тебя задохнувшимся на супружеском ложе, а в глотке у тебя будет забит тестяной ком.

Николь ни с кем не делится этими своими мыслями. Назовут дурой, а то и донесут дядюшке – тот ненавидит, когда она заводит свои выдумки. Но никто во всем мире не убедит Николь, что нянюшку Коринну, пухлую, голубоглазую, славную Коринну стоит опасаться.

Нянька подхватила со стола кружку и просеменила к кровати.

– Дитя мое, выпейте теплого молочка, – проворковала она сладким голосом. – Ваша Коринна позаботилась обо всем!

Из-под балдахина высунулось размякшее личико младшей дочери Гуго де Вержи.

– Это Николь принесла? – нетерпеливо спросила девочка. – Она здесь?

– Здесь, здесь. Но вы обязательно должны выпить молоко, вам сразу станет лучше.

– Пусть сначала споет! – потребовала Беатрис. – Хочу, чтобы она спела!

– Но как же молоко?..

– Не хочу! Ненавижу его! Хочу колыбельную!

– Тише, тише... У вас снова будет жар.

– Тогда пускай Николь споет!

Личико Беатрис скривилось, и женщина поняла, что придется уступить.

– Хорошо, – с неудовольствием согласилась она. – Но вы пообещаете мне лечь в постель.

– Обещаю!

– Николь, подойди сюда.

Девочка приблизилась. Коринна вцепилась в ее плечо, надавила и усадила на стул.

– Пой сейчас же, – прошипела она ей на ухо. – Да старайся как следует. Из-за тебя молодая госпожа не может уснуть!

Нянька отдернула полог, и Беатрис придвинулась к краю постели.

– Николь, я снова не сплю, – голосок ее звучал жалобно. – Только закрою глаза, в ушах начинает звонить колокол.

Она доверчиво взяла горничную за руку. Сейчас, съезжившись под одеялом, Беатрис казалась совсем ребенком. Вьющиеся черные волосы разметались по подушке: младшая из дочерей графа де Вержи не разрешала заплетать себе косы на ночь.

Глядя на нежное личико с блестящими темными глазами, Николь пришлось в который раз напомнить себе, что Беатрис младше нее всего на одну зиму. Скоро ей будут подыскивать супруга. Но пока каждая служанка в замке убеждена, что их Беатрис – невинный маленький ангел.

«Маленькая притворщица», – беззлобно подумала Николь. Трудно не капризничать и не ломаться, когда все вокруг балуют тебя. К тому же Беатрис крошечная, как куколка. Одно время даже поговаривали, что у графини родилась карлица, но когда дитя подросло, стало ясно, что девочка просто ростом не выдалась.

– Ветер гудит так страшно. – Беатрис страдальчески сморщилась. – Не могу его слушать!

Коринна не выдержала:

– Бог мой, дитя, ветер давно утомился. Ночь тихая и холодная, как вода в колодце.

Беатрис даже не взглянула на нее.

– Закройте глаза, – ласково попросила Николь. – Нет, не зажмурьтесь, просто закройте. Вот так. Ветер – ваш друг. Он придет к вам ночью и принесет счастливые сны.

И она негромко запела, наклонившись к девочке:

Ветер согнет траву,
Разметает стога,
Спутает волосы крошке Мари,
Сдует с крыши воробьев,
А меня погладит,
Всего лишь погладит...

Коринна со вздохом отставила в сторону остывшее молоко. А Николь пела, прикрыв глаза:

Ветер примчится с моря,
По дороге заглянет на вересковые холмы,
Навестит дубовые рощи,
Принесет мне подарки:
С холмов – ожерелье,
Из дубрав – корону,
А с моря лодочку,
Маленькую лодочку.

Лицо Беатрис разгладилось, дыхание выровнялось.

Мне не нужно ожерелье,
И корона мне ни к чему,
Я возьму только лодочку,

Маленькую лодочку.
Сяду в нее,
И ветер понесет меня
Далеко-далеко,
Дальше вересковых холмов,
Дальше зеленых дубрав,
До самого моря,
До светлого моря.

Коринна почувствовала, что у нее самой от чарующего голоса Николь слипаются глаза. Она никогда не упускала случая напомнить, что еще в колыбели чернявого приемыша поцеловала лесная фея. Один поцелуй – один дар. Значит, фея дважды дотронулась до лба младенца прохладными устами. Вот откуда у грязной девки волшебный голосок и власть над зверями.

Каждый раз за такие слова нянюшку поднимали на смех. Чушь, Коринна! Птичка-Николь возится с любой бессловесной тварью, подкармливает их и ласкает, в этом-то все и дело.

Как же! Коринна однажды попыталась погладить одну из тех дворняг, что вечно крутятся рядом с девчонкой. В отместку за доброту подлая сука цапнула ее и удрала, поджав хвост. Пришлось отравить мерзавку.

А песенки Николь! Разве не странно, что она никогда не поет про венки в ручье, про суженого, что снимет с нее белую рубашку и распустит ей волосы – ни одну из тех славных старых песен, которыми славится их край? Девка выдумывает свои. От них становится тревожно и странно, будто ветер подул тебе прямо в сердце.

Уж конечно, без феи не обошлось! А дары лесного народа рано или поздно приносят несчастье.

Если не верите, посмотрите на старшего конюха. Девчонка высосала из дядюшки все силы, а ведь четырнадцать лет назад он был еще крепок и силен. Теперь же иссох, как осока на безводье. Лишь нрав остался прежний: все тот же несгибаемый Гастон Огюстен.

Такие люди, как он, всегда в цене. Много лет старший конюх неотлучно жил в Вержи, и лишь одно событие заставило его покинуть стены замка.

Именно тогда здесь и появилась Николь.

Ветер понесет меня
Дальше вересковых холмов,
Дальше зеленых дубрав...

Нянька попыталась ущипнуть себя, чтобы не заснуть, но без особого удивления обнаружила, что руки успели обрасти тугими перьями, а комната расплылась и пропала. Вокруг убаюкивающе шумел ночной лес. Коринна одобрительно кивнула круглой головой, открыла рот и услышала собственное уханье. Хорошо быть птицей, хищной птицей с острым клювом, загнутым, чтобы ловчее выклевывать кусочки теплого нежного мяса. Где-то поблизости шныряет в палой листве девчонка, обратившаяся в тощую юркую мышь.

Сова расправила крылья и обрушилась вниз, туда, откуда слышался шорох. Но крыло задело за предательский сук, и птица жалобно вскрикнула.

Коринна вздрогнула, открыла глаза и едва успела подхватить падающий кувшин, уже плеснувший на пол лужицу молока.

Горничная сидела к ней спиной, наматывая на палец прядь вьющихся черных волос. Беатрис крепко спала.

Коринна поднялась, протирая глаза. Бог ты мой, да она, оказывается, и впрямь задремала! А все скверная девка с ее убаюкивающими русалочьими песнями!

Бесшумно переступая, нянька двинулась к ней, заноса руку.

...Николь болтала ногой, глядя в камин. Огонь притих, и только алые огоньки прыгали туда-сюда, как живые.

Лекарь Венсан Бонне говорит, эти огоньки – всего лишь раскаленные угли. Он образованный человек, потому что умеет читать. И воспитанный: может сдерживаться, когда хочется выругаться. Еще он хорошо смешивает снадобья и за пятнадцать денье беретса вылечить человека от любой бородавки с помощью желтого порошка.

Николь не знает ни одной буквы, а бородавки сводит куском сырого мяса. Зато ей отлично известно, что за огоньки играют в потухшем камине. Это крошки-домовые отплясывают под песни ветра в трубе. Подошвы их башмачков подбиты красным золотом: оно делает невидимым обладателя, но в темноте ярко светится.

Засмотревшись на танцы огоньков, Николь совсем забылась, но вдруг каким-то чутьем уловила легкое движение сзади.

Девочка, не раздумывая, уклонилась и отскочила. Как раз вовремя! Крепко сжатый кулак няньки проткнул то место, где была ее спина. Не зря Коринна славится умением передвигаться беззвучно, как рыба, и появляться из ниоткуда.

Нянька, не удержавшись на ногах, покачнулась и схватилась за каминную полку.

– Ты что, Птичка? – обиженно удивилась она. – У тебя на спине сидит паук!

Девочка вздрогнула и быстро провела ладонью по лопатке. Мохнатый черный комок приземлился на пол, выпустил тонкие лапки и словно всосался в ближайшую щель.

Когда Николь подняла глаза, она обнаружила, что Коринна смотрит на нее сочувственно.

– Ох-ох-ох, недобрый знак!

Николь и сама это знала. Если паук забрался на плечо, жди беды.

– Можешь идти, – разрешила Коринна. И добавила: – Будь осторожна в ближайшие дни, малютка. Прядильщик сетей не просто так заполз на тебя.

Она мягко улыбнулась на прощанье.

Но странное дело: эта улыбка показалась девочке еще более зловещим предзнаменованием, чем встреча с пауком.

Вместо того чтобы отправиться в комнату горничных, где уже храпела Мари, Николь вновь пробежала по галерее и спустилась вниз. В кухне звучали голоса, гремели подносы, и запах печеного мяса тянулся по всему замку.

Но к поварам Николь даже не заглянула. Она проскочила мимо приносившегося стражника, водившего носом туда-сюда, и выбежала наружу.

Никого.

На башне покачивался и скрипел фонарь, подхваченный кованым зажимом. Николь обошла его стороной. Чего доброго, закапаешь платье конопляным маслом – потом не отстираешь.

Фонарщика наняли лишь две зимы назад, когда по заказу графа в Вержи доставили три дюжины настоящих стеклянных фонарей. На них сбегались смотреть, как на диковинку. Стекла толстые, волнистые, пузыристые – красота! Правда, слуги все равно продолжали использовать сальные свечи: привычнее, да и ярче.

Но куда же пропал Матье?

Николь заплясала от холода. Что за начало лета – хуже осени!

Из-за угловой башни донесся негромкий свист.

– Где тебя носит? – сердито проворчал помощник кузнеца, выступая из темноты.

– Беатрис не могла уснуть. Принес?

– Думаешь, я больно-то хочу оставить его себе?

Матье вытащил из-за пазухи туго набитый мешочек.

– Держи! Наконец-то избавлюсь от этой гадости.

Николь присела на корточки и принялась развязывать тесемки.

– Хочешь сразу сунуть туда любопытный нос, чтобы он стал еще длиннее? – насмешливо спросил парень, глядя сверху на белеющий в темноте чепец. – Или боишься, я напихал туда козжих какашек?

– Хочу убедиться, что ты ничего не перепутал.

– Может и перепутал бы, если б шлялся на кладбище Левен каждую ночь, – отрезал Матье. – Но мне и одного раза хватило.

Николь наконец-то справилась с завязками и погрузила пальцы в горловину. Растерла щепот влажной земли, среди крупиц которой попадались тонкие, как нить, корешки.

Девочка задрала голову и просияла:

– Спасибо, Матье!

– Да брось ты...

Юноша немного смягчился и присел рядом.

– Бернадетта рыщет зверем. Кажется, все-таки подозревает, что без тебя не обошлось.

– Постой! – встревожилась Николь. – Разве ее не отвлекла эта глупая корова?

Матье хмыкнул. Корова? Он заглядывался на новую судомойку с первого же дня, как она вильнула перед ним своей пухлой задницей. А вчера подстерег ее у входа в погреб и ущипнул так, что она завизжала. Уж он-то знает, как доставить девке удовольствие! Ущипни ее хорошенько за гузно, и она твоя.

С Николь таких шалостей не позволишь. Его приятель как-то раз попытался завалить ее на сеновале... Ничего дурного – просто хотел малость потискать. Так девчонка чуть не отхватила ему нос и на руках оставила следы острых клыков. Искусала беднягу не хуже крысы.

– Я чуток подразнил одноглазую, – признался Матье. – Не удержался напоследок.

Николь в ужасе прижала к губам испачканную в земле руку.

– Что ты ей сказал?

– Про нас – ни словечка. Только спросил, откуда узнали про ведьму, если все жители Левен сгнули, как один.

– Ты дурень, Матье! Зачем дергать неприятности за подол? К тому же мы с тобой видели белые камни своими глазами. И кое-что еще, кроме камней и могил...

Оба вздрогнули и дружно перекрестились. Матье беспокойно огляделся и попросил:

– Давай не будем об этом.

Они помолчали.

Николь спрятала заветный мешочек и поднялась.

– Знаешь, может, то, что болтают про Левен, и в самом деле выдумки, – медленно проговорила она, – но про ведьму – правда.

И добавила, понизив голос:

– Кому как не нам с тобой знать об этом.

Матье резко выпрямился. Некоторое время они смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Первым сдался парень.

– И вспоминать не хочу. Забыли!

– Забыли, – согласилась Николь. – Подожди!

– Ну, чего еще?

– Повторяй за мной...

Она вырвала из земли несколько травинок и стиснула в левом кулаке. Два пальца правой руки растопырила рогаткой, прижала сверху.

Матье хоть и фыркнул пренебрежительно – опять за свои глупости! – но сделал так же.

– Давай!

Они прошептали хором, с каждым словом ударяя «рогаткой» по кулаку:

– От дурного глаза, от худого часа, от пряденного волоса – откуда явилось, туда и провалилось!

Швырнули травинки за левое плечо и трижды сплюнули.

Николь облегченно выдохнула. Заговор был простой, но действенный. Она на себе проверяла: когда разболелась голова, сказала нужное слово, развеяла пучок травы с крыши часовни – и все прошло.

Матье вытер губы рукавом, отступил за угол башни и пропал.

Теперь оставалось исполнить вторую часть замысла.

Спрятав ценную поклажу в рукав, Николь миновала ворота башни и спустилась на нижний двор. Караульный сонно глянул на девчонку, но даже поленился качнуть головой в ответ на ее приветствие.

Нижний двор давно спал. Рабочий люд ложится рано, не то что знатные господа.

Николь любила это место. Днем здесь вечно стоял такой шум, что хоть уши затыкай: громыхали своими железьяками кузнецы и оружейники, смачно переругивались забияки каменщики, надрывались псы в обеих псарнях – охотничьей и сторожевой. Лошади выбивали из булыжников звонкую дробь, мальчишки вились вокруг, точно мошकारа – эй, не зевай, не то налетят озорной вопящей тучей, сдернут штаны – и прочь, хохоча во все горло, – и толстяк-управляющий щедро отвешивал им подзатыльники, костеря на все лады.

С раннего утра заводили свою скрипучую песню ворота трех колодцев, а важному стуку молота в кузне вторил размашистый «шмяк! шмяк! шмяк!»: уставшие от ноши крестьяне с размаху плюхали тяжеленные корзины с провизией на выщербленный стол под навесом. Изредка Клод-гробовщик привозил свой груз на дребезжащей телеге, стараясь успеть до того, как появятся на площади первые люди.

Стена видела жизнь и смерть, но оставалась молчаливой. Огромная, холодная, древняя, как холм, она не разговаривала даже под щедрыми потоками ливней. Вода, умеющая извлекать звук из всего, что существует, будь то листья или песок, проигрывала в схватке с ее надменной немотой. Струи дождя, расшибаясь о серые глыбы, теряли свои певучие голоса. Они бесшумно струились вниз и смиренно уходили в землю, питая подводные реки, а камни оставались – могучие, величественные в своем незыблемом молчании.

Но так было не всегда. В незапамятные времена люди, сложившие стену, оставили в ней углубления и превратили в жилища. Они ютились в них, точно ящерицы в скальных норах, и были крикливы, как сойки.

Конец их птичьему гомону настал лишь той страшной ночью, когда оборвалась жизнь Симона де Вержи. Граф Гуго, восстанавливая замок, приказал возвести для прислуги отдельные постройки.

Теперь к стене лепились улы домов. Целая улица выросла на том месте, где когда-то было лишь месиво грязи под копытами лошадей и коров. Жилища в камне опустели, голоса ушли навсегда.

Но одна нора после долгого перерыва вновь стала обитаемой. К ней и лежал путь Николь.

Девочка обогнула последний, самый захудалый домишко, остановилась в глубокой тени каменной кладки и постучала.

Клин света распорол темноту, когда стрельчатая дверь приоткрылась.
– Входи, – сказал лекарь.
Миг – и Николь исчезла внутри.

Глава 3

Между главной залой и кухней сновали слуги, без конца поднося все новые и новые кушанья. Граф приказал повару порадовать гостя, и тот не подвел господина.

Фаршированные куропатки, обложенные просвечивающими до сердцевины мочеными яблоками; утки в глянцевах озерх малинового соуса; жареный олень, истекающий жиром на гигантском блюде, которое шесть человек едва доволокли до стола; розовое, как гранат, мясо вепря в сушеных сливах; лоснящиеся колбасы, источающие упоительный запах, паштеты, копченая рыба в золотистой чешуе... Главный повар замка Вержи опустошил все свои хранилища. Николь не видела прежде доброй половины тех блюд, что подавали нынче на стол в честь приезда маркиза.

Жан Лоран де Мортемар восседал на самом почетном месте. По правую руку от него улыбался граф, обнажая острые, как у хорька, белоснежные зубы. За спиной маркиза де Мортемара замер худой бородатый человек с землистым лицом, положив руку на эфес шпаги. Каждый раз при взгляде на него Николь становилось не по себе.

Маркиз де Мортемар, про которого говорили, что он почти принц, оказался больше похож на мясника: жирный, как отъевшийся на желудях боров, с заплывшими глазами и широким приплюснутым носом. Хороши были только густые рыжие кудри с отливом в благородное золото.

Трудно было бы найти людей, менее схожих друг с другом, чем гость и хозяин. Гуго де Вержи, тонкий, как хлыст, ловко орудовал вилок, справляясь с утиной грудкой. Маркиз ел как простолюдин: без церемоний схватив баранью ногу, впивался в нее кривыми желтыми зубами, отдирая кусок и небрежно утирал рукавом стекающий по подбородку жир.

Граф редко смеялся – лишь время от времени молча скалился, что должно было означать улыбку. Маркиз де Мортемар оглушительно хохотал, и от его смеха вино дрожало в бокалах. Гуго подзывал слугу изящным жестом маленькой белой кисти. У маркиза де Мортемара ладони и запястья были красные, крепкие: руки кузнеца, а не господина.

Зато когда Николь оказалась неподалеку от маркиза, выяснилось, что от него пахнет тонкими духами. Даже терпкий запах вин не мог заглушить нежный цветочный аромат.

А вино лилось рекой. Де Мортемар пил за десятерых, не пьянея. Граф подносил к губам кубок – и ставил на место, едва пригубив. Он зорко следил за тем, что творилось вокруг. Николь несколько раз ловила на себе его пристальный взгляд.

Ей уже давно не приходилось прислуживать за столом, но утром оказалось, что одна из двух девушек, которым предстояло исполнять эту почетную обязанность, заболела. Вторая то и дело принималась рыдать от страха, и даже щедрые оплеухи Бернадетты не исправили дела.

Тогда послали за Николь.

– Если хочешь, чтобы я забыла последнюю выходку твоего дружка, делай что говорят, – проворчала Бернадетта. – Будешь прислуживать юным господам. Остальное не твоя забота.

Про себя старуха подумала, что расторопная девчонка справится за двоих. Как говаривала бабка, одна пчела лучше пригоршни мух.

– Да не вздумай глазеть по сторонам! С кухни пришлют троих помощников. Если что забудешь, смотри на них.

Но разве до помощников было Николь! Хоть Бернадетта и велела ей не отвлекаться, девочка успевала поглядывать и на графа с хозяйкой, и на прожорливого гостя.

Она заметила, как заблестели глаза маркиза, стоило ему увидеть старшую дочь графа.

Элен только исполнилось шестнадцать, и все вокруг твердили, что второй такой красавицы не найти в целой Франции. От отца она унаследовала кожу матовой белизны, синие